

А.Н. Горячковская

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доцент кафедры философии

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ДОВЕРИЯ

В статье рассматривается фундаментальная ценность, обеспечивающая жизнеспособность индивида, общества и культуры – доверие. Как возможны духовная связь человека с миром, психическое и нравственное становление личности, формирование социальных связей и их реализация, этическое пространство культуры как живая, динамичная, уникальная среда? Исследуя эти сложные явления, мы сталкиваемся с множеством вопросов различной степени сложности. Но ключевым всегда остается вопрос об универсальных ценностях, основаниях возникновения и развития этих явлений. Одним из таких оснований является феномен доверия...

Ключевые слова: ценность, доверие, свобода, сопереживание

Г.М.Горячковська

АКСІОЛОГІЧНИЙ СЕНС ДОВІРИ

В статті розглядається фундаментальна цінність, що забезпечує життєздатність індивіда, суспільства і культури – довіра. Як можливі духовний зв'язок людини зі світом, психічне та моральне становлення особистості, формування громадських зв'язків та їх реалізація, етичний простір як живе, динамічне, унікальне середовище? Досліджуючи ці складні явища ми зіштовхуємося з багатьма питаннями різного ступеню складності. Але ключовим завжди залишається питання про універсальні цінності, підстави виникнення й розвитку цих явищ. Однією з таких підстав є феномен довіри...

Ключові слова: цінність, довір'я, свобода, співчуття

A. Goryachkovskaya

AXIOLOGICAL SENSE OF TRUST

This article investigates a basic value, which provides the vitality of an individual, society and culture – the trust. How can be possible spiritual connections of a human being with the world, mental and moral coming-to-be of a personality, forming social connections and their realization, ethic space of culture as a live dynamic unique environment? While exploration of these complex phenomenon, we come across with the questions of different degrees of complication. But always the main thing is the questions of universal values, foundations of origin and development of these phenomenon. One of such foundations is the phenomena of trust...

Keywords: trust, freedom, empathy, hopefulness

Наряду с рыночной существуют и нравственная, и эстетическая формы ценности, функционирующие в рамках жесткой оппозиции добра и зла, прекрасного и безобразного...

Ж.Бодрийяр

Доверие не живет в соединенных друг с другом микросхемах или оптико-волоконных линиях. Предполагая информационный обмен, оно отнюдь не сводится к информации.

Ф. Фукуяма

Проблема отношения сущего и должного определяет аксиологическую сферу философии. Описание и оценка взаимодействия человека с миром формируют

пространство приоритетных смыслов – значимых, ценностных ориентиров, позволяющих продолжить эти взаимоотношения посредством созерцания и практики. На протяжении веков проблемы развития человечества, созидания культуры решались благодаря принятию общезначимых консолидирующих принципов, ценность которых определялась не только знанием о должном, но и доверием¹ к нему. Доверие является этической универсалией, аксиологическим принципом, условием оценки, а значит принятия или непринятия ценностных ориентиров. Его утрата ведет к стагнации, кризису, а нередко и уничтожению культуры. Сегодня мы переживаем подобную ситуацию. Острое ощущение дефицита взаимопонимания и социального оптимизма, обрушение социально-политических фасадов указывают на крайне низкий уровень доверия в обществе или, попросту, недоверие. Искажение восприятия действительности, дезадаптация, отчуждение, конфликтность и разрушение ценностных ориентаций, представлений о должном – симптомы девальвации доверия как фундамента гуманитарного пространства. И мы вынуждены все больше внимания уделять духовным факторам в поисках должного, поскольку становится все более очевидным, что жизнеспособность отношений не ограничивается интеллектуальными стратегиями.

Канва доверия – иррационально воспринимаемая и транслируемая культурная традиция – всё чаще попадает во внимание различных социологических, политологических и экономических исследований, что нашло отражение в работах З. Баумана, Б. Барбера, Э. Гидденса, Н. Лумана, А. Селигмена, П. Штомпки. Ярким примером размышлений в этом направлении является работа Френсиса Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию», в которой отмечается, что «благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия» [1, с. 22]. В центре исследования Ф. Фукуямы «социальный капитал общества», который формируется и поддерживается доверием между его членами и «отличается от других форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов — таких, как религия, традиция, обычай» [1, с. 53].

Следует отметить, что доверие как социальный феномен имеет этические и психологические истоки, его понимание формировалось как результат рассуждений о соотношении естественных и нравственных устремлений человека. Тем не менее, в рамках классической философско-этической традиции категория доверия не получила подробного рассмотрения. Лишь в религиозной философии XIX – XX веков близость понятий «вера» и «доверие» стала источником размышлений для С. Кьеркегора, Р.У. Эмерсона, С.Л. Франка, М. Бубера. В частности, Мартин Бубер отмечал, что доверие возможно «только в полной актуальности "vita humana"²» и «никакой "vita humana" нет, если для своего осуществления ей потребен только мир души, а не вся сфера человеческой жизни» [2]. Доверие требует «превращения душевного состояния в состояние жизни».

Проблему доверия также многократно затрагивали, видные представители экзистенциально-гуманистической психологии XX века – В. Франкл, С. Джуард, Э. Фромм, Роджерс, Э. Шостром. Постепенно была исследована связь между феноменом доверия к себе (в диалогичном пространстве психики человека) и доверием к другому, и феномен доверия утвердился как главное условие (само)понимания. Психологи отмечают, что доверие дает возможность искренне не только выражать, но переживать и осознавать свои чувства, осуществлять духовную связанность – связанность с культурными ценностями, символами, устоями; ее разрыв ведет к моральному одиночеству, о котором писал Э. Фромм. Доверие апеллирует к пространству смыслов в поиске отправной точки потенциального диалога. «Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способности действовать, а значит, и жить» [3]. Разрешение проблемы выбора всегда лежит в

пространстве доверия и его неизменной спутницы – свободы. Доверие – нравственная энергия, актуализация которой возможна лишь в условиях свободы; и проблема доверия разрешима лишь в связи с проблемой свободы как способа быть. Доверие в отличие от доверчивости подразумевает высокую степень осознанности и ответственности в отношениях. Однако способность осознавать и брать на себя ответственность в условиях стремительно меняющейся, лишенной надежности и устойчивости реальности ослабевает с каждым днем. «Наши времена неблагоприятны к доверию и вообще к далеко идущим целям и усилиям по причине очевидной быстротечности и уязвимости всего (или почти всего), что имеет значение в земной жизни» [4, с. 195].

Мировоззренческие основы культуры консервативны, и это обеспечивает тормозящий, стабилизирующий эффект, в случае угрозы ее уничтожения. Однако технократическая составляющая цивилизации постепенно отодвигает на задний план гуманитарную сферу нашего бытия. Ставка на концептуализацию и функциональность человеческих отношений, а следом – широкую практику разнообразных социальных экспериментов, поглощает открытость и непосредственность диалога как способа реализации духовных потребностей личности и общества в целом. Пространство восприятия, понимания, освоения и трансляции генетического, смыслового ядра культуры резко сокращается. А вместе с ним – нравственная среда, жизненно необходимая для доверия. «Людям предлагается (скорее, даже навязывается) беспрецедентная свобода, но ее ценой становится столь же беспрецедентная неуверенность. А там, где царит неуверенность, остается мало времени как для заботы о ценностях, витающих выше уровня повседневных забот, так и для всего, что выходит за узкие границы скоротечного момента» [4, с. 201]. Может ли навязываемое быть свободой? В условиях высокой конкуренции к суррогату личной свободы прилагаются социальные лифты и неопределённость социальной роли, правил и обязанностей. Результатом становится тотальная неуверенность. Доверие к социальным институтам всегда подразумевает доверие к человеческому потенциалу как движущей созидательной силе, то есть гуманистические основания. Доверие подразумевает веру в человека, а не в отчуждаемый результат взаимодействия, требует быть, быть действительно свободным. Э. Фромм отмечал, что спонтанная деятельность и активная солидарности с другими людьми единственно возможный способ быть свободным. Блокирование этого модуса бытия в силу социальных, политических или экономических условий является главной причиной бегства от свободы, бремя которой становится невыносимым [3].

Условием спонтанных проявлений, а значит, свободы и доверия является способность к сопереживанию, гуманному отношению к другому, позитивная эмоциональная связь с другим. Сопереживание – это работа души, выявляющая духовный уровень индивида, его нравственный потенциал. Сопереживание как произвольная вовлеченность в эмоциональное поле другого и сопереживание как эмоциональная идентификация, осознанная приверженность гуманному отношению, представляют собой путь от доверчивости к доверию посредством роста нравственного самосознания. Иррациональные способы постижения мира (вера, любовь, интуиция) обращены к миру в его целостности, континуальности и спонтанности и зиждутся на сопереживании. Аксиологическая составляющая нашего бытия создается и поддерживается благодаря нашей способности представить и почувствовать себя на месте другого. Доверие полностью зависит от способности к сопереживанию. Однако эта способность требует не просто актуализации, но и развития в процессе становления отношений человека и мира. Препятствием является доминирование рациональной прагматики, исключая сопереживание для установления субъектно-объектного отношения. Эмоциональная недоразвитость в различных ее проявлениях (от безразличия до агрессии) является результатом подмены смыслов – отождествления духовного и интеллектуального в условиях очевидного господства последнего. Все, что попадает в поле интеллекта, машинально становится предметом анализа, то есть превращается в объект. Расширение

этой практики ведет к тотальной духовной атрофии. «Объект – это не длительность, но остановка, прекращение, оторванность, самоощипение, отделенность, отсутствие отношения, отсутствие присутствия» [2]. Но присутствие как сопереживание, как бытие – обязательное условие доверия.

Трансформация ценностей в пользу рационального, интеллектуального освоения мира утвердила аксиологический статус интересного, стремясь придать ему этическую окраску. Интерес сориентирован в область прогнозируемого грядущего открытия, практического эффекта, он требует внимания, вовлеченности, желания открыть, разоблачить. «Интересы — это динамические качества, которые, в отличие от универсалий, не охватывают наличное бытие индивидов, но образуют область потенциального, т. е. задаются и «потенцируются» самими их обладателями» [5]. Но интерес исчисляет сущее посредством вероятности, логически выстраивает отношение. «Интересность — это соотношение, образуемое дробью, в числителе которой стоит достоверность доказательства, а в знаменателе — вероятность доказуемого. Интересность растет по мере увеличения числителя и уменьшения знаменателя. Чем менее вероятен тезис и чем более достоверен аргумент, тем интереснее научная идея» [5]. Интерес вытеснил сопереживание из повседневности. Все наше внимание поглощено интересным; преумножение интересного как актуального бренда, индустрия интересного маскирует дефицит бытия. «Тому, кто препарировал дух, превращая его в средство наслаждения, есть ли дело до существ, живущих рядом с ним?» [2]. Объект не требует доверия, он должен быть интересен, а значит, зависнуть в промежутке: между наиболее возможным и наименее возможным, то есть вне бытия.

Важную роль в этой сложной ситуации играет память, оформляющая ожидания, надежду, оптимизм (*hopefulness*). Память как рефлексия, как со-бытие уступила место технологиям фиксации жизни. В результате сама память конструируется посредством свободной интерпретации технофиксаций, тиражируемой игры смыслов, интереса вне сопереживания, что продуцирует вымыслы, но не надежду, так необходимую для доверия. Любые проявления спонтанности, «чудеса», развенчиваются посредством анализа, концептуализация использует архив фиксаций для различного рода инсталляций. Жизнь подменяется её фиксацией, жизнь – больше не чудо. Подмена смыслов «игра смыслов» ключевой принцип пространства софистики – современной ментальной среды. Деструктивная трансформация ценностей, вызванная отказом от истины, вовлекает нас в тотальную иллюзию, выбор маски, персоны. Человек не смеет быть, но может лишь казаться кем-то. «Вероятно, мы постоянно живем в мире двойной морали... По-видимому, есть сфера нравственности, сфера рынка и есть область имморальности, область игрового процесса, где значимы лишь событие игры как таковое и согласие партнеров относительно ее правил» [6, 10]. В этой игре человек лишь играет в поиск смысла, все смыслы «на вращающейся витрине», должное – оно же – сущее – оно же – должное. Симулятивное пространство, в котором господствует «инновация», «обновление», «омоложение», «обнуление», фрагментарно, динамично и следует лишь одному правилу – отсутствию правил (бесконечному множеству взаимоисключающих правил), что, в свою очередь, выступает суррогатом спонтанности. Тотальная маскировка, искажение и утаивание создают иллюзию интриги и иллюзию творческой активности как разоблачения. Всё это бесконечно удаляет нас от возможности быть, нефинальность игрового пространства поглощает бытие и лишает смысла саму игру. Двойная мораль – квазимораль – источник неуверенности, недоверия, бегства от свободы, – порождаема квазибытием. «Конкретные связи одного индивида с другим утратили ясный человеческий смысл, приобрели характер манипуляций, где человек используется как средство» [3]. Добровольный отказ от свободы подразумевает отказ от ответственности и разрушает доверие как отношения. Человек-объект, лишенный спонтанных проявлений, превратившийся в функцию, тотально детерминированный извне вполне предсказуем в

своей непредсказуемости, но не вызывает доверия, поскольку доверие свободно [от мотивов].

Сомнение в достоверности происходящего усиливает ощущение изоляции, отчужденности, разрушая доверие в отношениях между людьми. «Нынешние попытки заглушить сомнения - состоят ли они в ненасытном стремлении к успеху, или в убежденности, что безграничное знание фактов может удовлетворить потребность в уверенности, или в подчинении вождю, который принимает на себя ответственность за "уверенность" остальных, - могут заглушить лишь осознание сомнений. Сами же сомнения не исчезнут до тех пор, пока человек не преодолеет свою изоляцию, пока его положение в мире не приобретет какого-то смысла и значения, удовлетворяющего его человеческие потребности» [3]. Восстановление доверия как условия диалога, взаимопонимания, сохранения гуманистических оснований культуры возможно как результат нравственного усилия. Доверие – особое состояние взаимодействия (с Другим в себе или вовне), требующее самораскрытия и стремящееся к (само)пониманию. Это фундаментальный принцип человеческого общения. Доверие традиционно выступает в качестве индикатора нравственного климата, показателя соотношения свободы и ответственности в мире человеческого общения, чувства долга перед себеподобными. Дефицит осознанности бытия как пространства свободы и неизбежного выбора, дефицит веры в собственные силы и ответственности за собственный выбор ведет к дефициту доверия между нами. Доверие подразумевает не просто ожидание честности, надежности, безопасности, но и открытую готовность к реализации этих принципов со своей стороны как необходимое условие для диалога, сотрудничества, синергии. «Всякая действительная жизнь есть встреча» [2]. Стартовой позицией доверия является открытость, нравственный энтузиазм и оптимизм. Их источник в самом человеке, его способности претворять изоляцию в уединение, а уединение в вопрошание, самопознание и трансценденцию. Нравственным основанием всегда остается совесть как внутреннее со-бытие, чтобы ощутить ее достаточно задать вопрос о себе себе самому, встретить себя. Эта встреча возвращает нас из зоны экзистенции в пространство бытия, свободы, к горизонту истины, к истоку доверия. Поле софистики бессильно в пространстве этой встречи, и здесь мы черпаем смысл, который делает нас людьми – благоговение перед жизнью и бескорыстной тратой, и обретаем доверие как фундаментальную ценность человеческого бытия.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию [Текст] / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730, [6] с.
2. Бубер М. Два образа веры [Текст] / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Фромм Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 284 с.
4. Бауман З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
5. Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук [Текст] / М. Эпштейн. - М.: НЛО, 2004, с. 485-496.
6. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту [Текст] / Ж. Бодрийяр. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 199 с. (Серия «Академический бестселлер»).

- © Горячкова А.Н., 2014

¹ Согласно Толковому словарю русского языка Ожегова, доверие – «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь»; Словник української мови: в 11 томах: «Довіря, я, сер. Ставлення до кого-небудь, що виникає на основі віри в чийсь правоту, чесність, щирість і т. ін.» (Том 2, 1971. — С. 335).

2 Человеческая жизнь (лат.)